

УДК 947.088

А.Г.Борзенков

УСЛОВИЯ И ФАКТОРЫ САМОДЕЯТЕЛЬНОЙ ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКОЙ АКТИВНОСТИ МОЛОДЕЖИ НА ВОСТОКЕ РОССИИ (1961–1991 гг.)

В последние три десятилетия существования советского общества на востоке России возник и получил развитие неординарный феномен неформальной общественно-политической активности и самодеятельного политизированного искусства молодежи в виде мавлок, движения политической песни, театрализованных политических представлений, конкурсов политического плаката и газеты, «круглых столов» и конференций по проблемам интернационального и патриотического воспитания молодежи, фестивалей политического фильма, нонконформистских дискуссионных, аналитических и литературных начинаний.

Этому способствовала благоприятная для их участников и организаторов возрастная структура населения Сибири, Урала и Дальнего Востока. В 1961–1991 гг. каждый третий житель этих регионов находился в возрасте от 10 до 30 лет [1].

Кроме благоприятной возрастной структуры на рост самодеятельной общественно-политической и творческой активности юношей и девушек оказались и общецивилизационные факторы. По мнению педагогов, психологов и социологов, молодым людям присущи физиологово-взрастные черты характера как универсальная причина их повышенной жизнедеятельности во все времена. Несмотря на то что в изучаемый период недооценивались общепоколенческие интересы и устремления юношей и девушек, некоторые современники молодежных политизированных инициатив 1960–1980-х гг. в своих наблюдениях и размышлениях фактически пришли к

выводу о существовании ряда таких объединяющих черт менталитета молодых людей разных стран и разных эпох, как юношеский энтузиазм, максимализм, романтизм и оптимизм [2].

Об этом, например, свидетельствует история одного из ведущих центров самодеятельной активности молодого поколения на востоке России, которым являлся новосибирский Академгородок с его главным образовательным учреждением – Новосибирским государственным университетом (НГУ). Уже в первое десятилетие его существования местные руководители неоднократно констатировали неординарные явления в молодежной среде. «Молодежь – мечущаяся часть человечества», – отмечал весной 1968 г. на собрании партактива Советского района Новосибирска бывший секретарь парткома СО АН СССР, заместитель директора института гидродинамики Г. С. Мигиренко. «Комсомол требует решения больших дел и самостоятельности, и когда это есть, то активисты растут как грибы», – говорил в декабре 1966 г. на пленуме Советского РК КПСС ректор НГУ член-корреспондент АН СССР С. Т. Беляев. Через полтора года, выступая на пленуме Советского РК ВЛКСМ в апреле 1968 г., он вернулся к этому вопросу и подчеркнул: «Активность очень большая. Нам надо посмотреть на главное: какая цель развития самоуправления» [3].

Приведенные выше оценки касаются, в основном, лояльной по отношению к советскому государству части молодежи. В ряде источников удалось найти

и характеристику ментальных устремлений нонконформистски настроенных представителей молодых людей. «Уже минул 1956-й год “раскручивания гаек”, и 1957-й, когда их спешно, срывая резьбу, принялись завинчивать. Выпустили пар... Но по неопытности своей и оптимизму я мало верил в повторы <...> Скорее всего, оказались просто молодая энергия, вера в себя и жажда воли, свойственная каждому; желание, чтобы все вокруг распрямились», – так охарактеризовал свое мироощущение уже в «перестроечные» годы бывший студент Камчатского педагогического института В. П. Пустовит, исключенный в начале 1964 г. из комсомола за критику деятельности Н. С. Хрущева и чтение трудов оппозиционеров 1920-х гг. Фактически аналогичную оценку важнейшей черты молодежной психологии дала в марте 1984 г. при обсуждении содержания нонконформистского студенческого альманаха «Свеча» секретарь партийного бюро филологического факультета Иркутского государственного университета Н. Г. Баканова: «Не так все чрезчур плохо, здесь многое – юношеский максимализм» [4].

Общецивилизационного подхода к оценке сущности советской молодежи придерживаются и некоторые современные российские историки. «Поколение “застоя”, вопреки все более утверждающимся сейчас в сознании представлениям, не было поколением кризиса. Ибо в силу своего молодого возраста его представители были устремлены в будущее», – к такому выводу пришли в 1992 г. авторы коллек-

тивной монографии, посвященной изучению деятельности молодежи во второй половине 1960-х – начале 1980-х гг. [5].

Вторым общечивилизационным фактором, влиявшим положительно на рост активности юношей и девушек, являлся переход нашей страны в 1960-е гг. в стадию индустриального общества. Это выразилось прежде всего в том, что доля промышленности превзошла долю сельского хозяйства в произведенном национальном доходе, а также в доминировании городского населения над сельским. В последние три десятилетия существования советского общества произошли фундаментальные сдвиги в образе жизни людей. Главными критериями формирования образа жизни, соответствующего индустриальному обществу, являлись обеспечение населения современными видами квартир, широкое распространение предметов длительного пользования, улучшение структуры питания, рост реальных доходов населения[6]. Все это не могло не сказать положительно на росте общественно-политической активности молодежи.

Третья общечивилизационная причина повышенной активности молодых людей на востоке России имела региональную специфику, связанную с особенностями формирования демографического и этнического потенциалов Урала, Сибири и Дальнего Востока. Для понимания исторических истоков роста самодеятельности молодежи в этих российских регионах значительный интерес представляет идея Л. Н. Гумилева о пассионарной энергии ряда субстратов русского этноса. Он считал, что Сибирь и другие восточные территории России осваивали начиная с времен похода Ермака в первую очередь пассионарии. Некоторые современные обществоведы и публицисты

придерживаются взглядов, которые находятся в русле концепции Гумилева по вопросу об освоении российской Ойкумены. «А обычно государство подавляло личность очень ощущимо. И потому, как правило, сила русского духа мощнее проявляла себя на краю, при ослаблении этого давления – у поморов и старообрядцев, у казаков и бунтовщиков, у поэтов и ученых, уходящих в духовную свободу», – писал в 1997 г. С. Кара-Мурза, осмысливая феномен русского и советского этносов [7].

Развивая мысль Гумилева и Кара-Мурзы о пассионарных субстратах населения Сибири и других восточных регионов России, можно дополнить этот список русскими революционерами, польскими повстанцами и другими активными участниками российского освободительного движения, сосланными царскими властями на периферию империи. В начале XX в. производственный и социальный потенциал населения Сибири и Дальнего Востока усилило широкое крестьянское переселение. После 1917 г. общественно-политическая энергия жителей восточных регионов подпитывалась советскими политсырьевыми, крестьянским и молодежным сопротивлением периода утверждения сталинизма, а также массовым движением молодежи на освоение целины и ударные комсомольские стройки в послевоенные годы. Это были зачастую люди, идущие против господствующего общественного течения и не приемлющие устоявшиеся моральные, социальные или политические стереотипы [8]. Иначе говоря, среди них была повышенная прослойка пассионариев и близких к ним личностей.

Наряду с указанными общечивилизационными причинами высокой активности молодежи восточных регионов, на нее «работали» социально-политические и идеологиче-

ские факторы, порожденные советской социалистической системой.

Двадцатый съезд КПСС и ряд последующих партийных решений способствовали преодолению многих сталинских деформаций и оздоровлению советского общества. Благодаря реформаторской деятельности Хрущева страна приобрела дополнительный динамизм и возросшую уверенность в завтрашнем дне. Вся эта повышенная политическая и социальная активность советского общества во второй половине 1950-х гг. развивалась, в основном, в рамках социалистической модели развития [9].

Сильный импульс на упрочение социалистических ценностей в сознании советских людей дал курс КПСС на построение коммунизма в СССР, получивший обоснование в решениях XXI и XXII съездов партии. «Сегодняшним трезвомыслящим людям трудно, вероятно, поверить, что идеи скорого вхождения в коммунизм были восприняты всерьез, захватили немалую часть населения. <...> В это движение (за коммунистический труд. – А. Б.) включались даже школьники, боровшиеся за звание “Отряд (или дружина) – спутник семилетки”. Студенты принимали обязательства вести борьбу с “проявлениями эгоизма, различного рода аморальным поведением”. Молодежь, занятая в материальном производстве, также брала повышенные обязательства», – так была охарактеризована морально-психологическая и политическая атмосфера в Томской области в конце 1950-х – начале 1960-х гг. в исследовании томских историков «Томская область. Исторический очерк». Это была достаточно типичная картина в умонастроениях молодых людей и других краев и областей на востоке России в эти годы [10].

Особенно близко восприняла захватывающую воображе-

ние идею построения коммунизма учащаяся молодежь. Для настоящего исследования это представляет особый интерес, ибо старшеклассники и студенты являлись главной социальной базой для самодеятельных общественно-политических инициатив и движений и формирования кадров молодежных лидеров. В ряде вузов сохранились вступительные сочинения их студентов, позволяющие в первозданном виде восстановить социально-психологический облик наиболее активной части молодого поколения. Для реконструкции мироощущения юношей и девушек, обучавшихся в институтах и университетах в конце 1950-х – начале 1960-х гг., было проработано несколько десятков вступительных сочинений абитуриентов НГУ из Сибири, с Урала и Дальнего Востока.

Для этой группы молодежи весьма характерным является сочинение, написанное при поступлении в НГУ в 1963 г. выпускником одной из читинских школ В. М. Бородиным. «Я счастлив! Счастлив оттого, что молод; счастлив оттого, что мне выпала честь строить коммунизм и жить при нем. Но я понимаю, что это меня и ко многому обязывает. Ведь чтобы творить чудеса (а коммунизм – это величайшее из чудес), нужно многое знать и многое уметь. А для этого необходимо много учиться и трудиться. И мы должны уже сейчас быть готовыми к этому. Готовность же – это вера в коммунизм, убежденность в правоте дела коммунистов. Так верь, товарищ молодость: коммунизм не за горами, – знай, что только дела твои приблизят его зарю!» – писал о своем видении обозримых перспектив советского общества в сочинении «Разум человека творит сегодня чудеса» будущий новосибирский математик [11].

Об адекватности умонастроений абитуриентов НГУ и вузов других регионов свиде-

тельствует анализ сочинений первокурсников. Так, заведующая кафедрой литературы Красноярского педагогического института Н. Самойлова проработала несколько сот сочинений, написанных в 1964 г. абитуриентами на свободную тему. Это было сделано не случайно, ибо именно в таких сочинениях лучше всего раскрывались молодые люди. «Прежде всего, наш молодой современник – это патриот, безгранично любящий свою социалистическую родину, которая дала ему все для настоящего счастья. <...> В сочинениях абитуриентов звучит гордость за советского человека – созидателя, чьими руками строится коммунистическое завтра», – к данному выводу пришла Самойлова при анализе сочинений будущих педагогов. Такое мироощущение было характерно после XXI и XXII съездов КПСС не только для студентов и учащихся школ Урала, Сибири и Дальнего Востока, но и для других категорий молодежи как восточных, так и западных регионов России [12].

Конечно, эйфория, связанная с курсом партии на форсированное построение коммунистического общества в нашей стране, достаточно быстро прошла. Но тем не менее убежденность в необходимости дальнейшего развития и совершенствования социализма была одной из доминант в сознании большинства населения СССР, особенно его молодежной части. Эти ментальные устремления отразили итоги всесоюзного смотра сочинений «Моя Советская Родина», в котором в 1967 г. приняло участие 340 учащихся средних и восьмилетних школ Новосибирской области [13].

Во вступительных сочинениях второй половины 1960-х – первой половины 1980-х гг. уже не фиксировался значительный объем риторики о коммунистическом строительстве, но, тем не менее, как правило, не про-

сматривались и сомнения в правильности социалистического пути развития советского общества. Об этом, например, свидетельствует, сделанный в 1986 г. новосибирским историком В. А. Миндолиным, анализ вступительных сочинений 201 студента первого курса физического факультета НГУ [14].

Не только основная масса старшеклассников и абитуриентов, но и большинство студентов были ориентированы в «до-перестроечный» период на социалистические ценности. Подтверждением этому служат результаты социологических обследований, проведенных в различных вузовских центрах. К примеру, в Пермском государственном университете (ПГУ) в 1969 г. было проведено несколько социологических обследований, посвященных общественно-политическому облику студентов. Материалы этих опросов позволяют сделать выводы о том, что подавляющее большинство студентов ПГУ в своей учебной и общественной деятельности руководствовалось такими высокими гражданскими мотивами, как коллективизм, желание улучшить работу своей комсомольской организации, борясь с различными недостатками в жизни советского общества, стремление принести больше пользы людям. Приблизительно к таким же выводам во второй половине 1960-х гг. пришли и авторы коллективной монографии «Молодежь, ее интересы, стремления, идеалы» при анализе материалов социологического обследования, организованного в ряде советских вузов [15].

Социологические опросы, проводимые до начала «перестройки», не давали особых оснований для утверждения об изменении политических взглядов вузовской молодежи. Об этом свидетельствовали в начале 1980-х гг. итоги изучения общественного мнения

студентов Алтайского края, в ходе которого более 60 % опрошенных считали принципиально важными такие качества специалиста, как гражданственность, советский патриотизм, коммунистическая убежденность [16].

Не только учащиеся школ и студенты до середины 1980-х гг. сверяли свои политические идеалы с социалистическим выбором. Эта ориентация была характерна в целом для советской молодежи. По данным научно-исследовательского центра Высшей комсомольской школы при ЦК ВЛКСМ, в 1984 г. 84 % молодых людей в СССР считали социализм единственным общественным строем, который действительно реализует важнейшие социально-политические права и свободы

человека [17].

Ретроспективный взгляд на период 1960–1980-х гг. показывает, что общественно-политическая активность советской молодежи имела прочный стержень – оптимистическое сознание. Жизнеутверждающие ментальные ценности у преобладающей части юношей и девушек базировались на их социальной защищенности и востребованности со стороны общества. Оптимистическое мировосприятие молодого поколения формировалось под влиянием достаточно сильной социальной политики советского государства внутри страны и его прочными позициями на международной арене. Росту молодежной активности на востоке России также способствовало меньшее распространение здесь бюро-

кратизма, стяжательства, коррупции, национализма и других социальных и политических язв. В то же время в восточных российских регионах менталитету юношей и девушек были более созвучны романтические, альтруистические, коллективистские ценности, идеи интернациональной дружбы и солидарности [18].

Поражение «перестройки» негативно сказалось на жизнедеятельности молодежи. Это проявилось в снижении позитивной общественно-политической и творческой активности молодых людей и в росте таких негативных явлений в молодежной среде, как наркомания, преступность, национализм, вандализм [19].

ПРИМЕЧАНИЯ

1. Подсчитано по: Итоги Всесоюзной переписи населения 1959 г. РСФСР. М., 1963. С. 62, 68, 70, 72; Итоги Всесоюзной переписи населения 1970 г. М., 1972. Т. 2. С. 13, 17, 76–162; Возрастной состав населения РСФСР. По данным Всесоюзной переписи населения 1989 г. М., 1990. С. 64, 245, 272, 302, 335.
2. Педагогическая энциклопедия. М., 1968. Т. 4. Стлб. 828–830; Психология: Словарь. М., 1990. С. 473, 474; Першуткин С. Н. Между отчаянием и надеждой (Социализация молодежи в условиях кризиса). Новосибирск, 1994. Ч. 2. С. 5; Вишневский Ю. Р. Молодежь и культурные стереотипы // Советская культура и развитие человека: Тез. докл. науч.-практ. конф. Пермь, 1991. С. 172; Грачев А. Поражение или урок? Об опыте и последствиях молодежных и студенческих выступлений 60–70-х годов на Западе. М., 1977. С. 37;
3. Государственный архив Новосибирской области (ГАНО). Ф. П-269, оп. 1, д. 220, л. 95; оп. 7, д. 13, л. 47; Ф. П-308, оп. 1, д. 194, л. 7.
4. Камчатский Комсомолец (Петропавловск-Камчатский). 1988. 11 июня; Сов. молодежь (Иркутск). 1993. 21 сент.
5. Бузаров А. Ш., Вознесенская Л. О., Терновой О. И. Поколение «застоя». Майкоп, 1992. С. 8.
6. Орлов Б. П. Иллюзии и реальность экономической информации // ЭКО: Экономика и организация промышленного производства (Новосибирск). 1988. № 8. С. 5, 6; Куксанова Н. В. Социально-бытовое развитие городов Сибири в 1960–1970-е гг.: Учеб. пособие. Новосибирск, 1994. С. 45, 67; Шиловский М. В. Сибирь в XX веке: некоторые итоги изучения // Вопросы истории Сибири XX века. Новосибирск, 2001. Вып. 5. С. 10, 11.
7. Гумилев Л. Н. Этногенез и биосфера земли. 3-е изд., стереотип. Л., 1990. С. 289; Кара-Мурза С. Логика «греха» // Сов. Россия (Москва). 1997. 4 янв.
8. История Сибири с древнейших времен до наших дней в пяти томах. Л., 1968. Т. 2. С. 465–480; Т. 3. С. 74–77, 109–130, 300–310, 327–335; Папков С. А. Сталинский террор в Сибири (1928–1941). Новосибирск, 1997. С. 69–82, 247–253; Суслов А. Спецконтингент в Пермской области (1929–1953) // Годы террора: Книга памяти жертв политических репрессий. Пермь, 1998. С. 169–229; Красильников С. Серп и молох. Крестьянская ссылка в Западной Сибири в 1930-е гг. М., 2003. С. 26–53; Исаев В. И. Молодежь Сибири в трансформирующемся обществе: условия и механизмы социализации (1920–1930-е гг.). Новосибирск, 2003. С. 139, 149–151; Очерки истории ВЛКСМ (В поисках истины). Саратов, 1991. Ч. 2. С. 62, 63; Криворученко В. Единство цели. М., 1980. С. 122–134.
9. На пороге кризиса: нарастание «застойных» явлений в партии и обществе. М., 1990. С. 333; Очерки истории ВЛКСМ... Ч. 2. С. 64, 66; Томская область: Ист. очерк. Томск, 1994. С. 509, 510.
10. Томская область... С. 503; История Сибири... Л., 1969. Т. 5. С. 327; Молетотов И. А. Партийная

- работа в научном центре. Новосибирск, 1963. С. 14–19.
11. Архив НГУ. Оп. 5, д. 40 (1968 г.), л. 34.
  12. Краснояр. рабочий. 1964. 19 авг.; Очерки истории ВЛКСМ... Ч. 2. С. 66, 75–77; Иного не дано. М., 1988. С. 509.
  13. ГАНО. Ф. П-190, оп. 8, д. 60, л. 49.
  14. Университетская жизнь (Новосибирск). 1986. 17 июня.
  15. Русейкина В. С. Социальный статус и активность личности студента // Учен. зап. Перм. гос. ун-та. № 279. Пермь, 1972. Вып. 1. С. 42; Попов В. Г., Владимиров С. В. Роль преемственности в развитии общественной активности студенчества // Там же. С. 170, 171; Молодежь, ее интересы, стремления, идеалы. М., 1969. С. 288, 290.
  16. Григорьев С. И., Немировский В. Г. Молодежь Сибири на пороге зрелости. Барнаул, 1988. С. 10, 49, 115.
  17. Ильинский И. М. Наш молодой современник (Вопросы мировоззренческого воспитания) // Социологические исследования. (Москва). 1987. № 2. С. 16, 18.
  18. Борзенков А.Г. Молодежь и политика: возможности и пределы студенческой самодеятельности на востоке России (1961–1991 гг.). Новосибирск, 2002. Ч. 1. С. 27–47.
  19. Павловский В. В. Ювенология: становление науки о молодежи. Красноярск, 1997. С. 134, 135, 148, 161.

Авторы статьи:

Борзенков

Алексей Георгиевич

- канд.истор.наук, доц. каф. истории
России (Новосибирский государствен-
ственный университет)

УДК 340.12 + 321.01

Б.Я. Бляхман

СОЦИАЛЬНОЕ ГОСУДАРСТВО В УСЛОВИЯХ ИНТЕГРАЦИИ МИРОВОГО ПРОМЫШЛЕННОГО ПРОИЗВОДСТВА

В последнее время в научной литературе все больше уделяется внимание проблеме социального государства. При этом необходимо отметить, что одни авторы анализируют эти вопросы, связывая их с соотношением общечеловеческих ценностей и гарантией их государством [1, с. 5-13], другие акцентируют внимание на социальном государстве с точки зрения права [2, с. 5-14], третьи рассматривают государство через призму его целей [3, с. 10-12], четвертые оценивают государство в переходный период [4, с. 5-12], пятые связывают общечеловеческие функции государства с его сущностью и понятием [5, с. 4-16], еще одна группа ученых рассматривает государство через модель «постиндустриального общества» [6, с. 26-43], есть и другие подходы и

асpekты в описании социального государства, что говорит о разноплановости и неоднозначности данного явления. Комплексный характер социального государства требует дальнейшего изучения.

Идея социального государства анализировалась в какой-то степени и в марксистской литературе. Так К. Маркс в «Критике Готской программы» рассматривал общественное перераспределение доходов, полученных в результате индивидуального труда, и отмечал следующее: «Но один человек физически или умственно превосходит другого и, стало быть, доставляет за то же время большее количество труда или же способен работать дольше; а труд, для того, чтобы он мог служить мерой, должен быть определен по длительности или

по интенсивности, иначе он перестал бы быть мерой. Это равное право есть неравное право для неравного труда. Оно не признает никаких классовых различий, потому что каждый является только рабочим, как и все другие; но оно молчаливо признает неравную индивидуальную одаренность, а следовательно и неравную работоспособность естественными привилегиями. Поэтому оно по своему содержанию есть право неравенства, как всякое право.

По своей природе право может состоять лишь в применении равной меры; но неравные индивиды (а они не были бы различными индивидами, если бы не были неравными) могут быть измерены одной и той же мерой лишь постольку, поскольку их рассматривают под одним углом зрения, берут